

Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1

ВИКТОР ВАХШТАЙН

Декан, факультет социальных наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН); декан, философско-социологический факультет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); главный редактор, журнал «Социология власти». Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82, корп. 2. E-mail: avigdor2@yahoo.com.

Ключевые слова: дроны; небоскребы; колодочные тормоза; лифт; взаимодействие лицом-к-лицу.

Эта статья — упражнение в объектно-ориентированной социологии повседневности. Исследования взаимодействий лицом-к-лицу стали одной из первых жертв «поворота к материальному». Вторжение акторно-сетевой теории заставило микросоциологов усомниться в одном из ключевых аксиоматических допущений изучения повседневного мира: материальные объекты могут выступать либо в роли ресурсов («декораций») социальных взаимодействий, либо в качестве их жесткого каркаса («сцены»). Однако теперь нам приходится переосмысливать повседневность — исконный предмет микросоциологии — как онтологический регион, сам факт существования которого связан с многочисленными и незаметными действиями материальных не-человеческих агентов. В данной статье мы пытаемся решить три задачи. Во-первых, показать, где проходит граница между «поворотом к материальному» и «онтологическим поворотом» (ПкМ-1 и ПкМ-2). Во-вторых, произвести теоретическую ревизию тех моделей мышле-

ния и воображения, которые язык ПкМ-1 предлагает исследователям повседневного мира (кодификацию функциональных модусов «вещей-во-взаимодействии», различение конститутивных и перформативных ролевых комплексов и т. д.). В-третьих, рассмотреть возможности использования этих теоретических ресурсов в области социологии архитектуры и техники.

Почему среди операторов боевых дронов процент посттравматических стрессовых расстройств выше, чем среди пилотов, непосредственно участвовавших в боевых действиях? Как изобретение железнодорожного колодочного тормоза изменило архитектурный облик Манхэттена? Как соотносятся конститутивные и перформативные модальности «действующих вещей»? Как идея «технологического расщепления» помогает решить проблему соотношения «решетки», «схизмы» и «лоботомии» в теории Рэма Колхаса? И собственно, причем здесь Бруно Латур? На эти вопросы мы и попытаемся ответить в статье.

В ПЕРИОД боевых действий в Ираке и Афганистане американское военное командование приняло решение об активном использовании беспилотных летательных аппаратов — так называемых дронов. Управляемые дистанционно командой из двух человек — пилота и стрелка-наводчика (*sensor*) — беспилотники хорошо зарекомендовали себя при выполнении тактических операций.

В 2013 году журналистское расследование Мэтью Пауэrsa показало, каким образом «сгорают» операторы боевых дронов¹. Сидя на безопасном расстоянии в Неваде, они стреляют по живым мишеням, удаленным от них на тысячи километров. Один и тот же пилот может утром подорвать машину в Афганистане, днем расстрелять группу подозрительных партизан в Ираке, а вечером вернуться к семье в Рино. Однако, как обнаружилось впоследствии, ситуация дистанционного управления беспилотником не снижает, а усиливает эффект психологического выгорания оператора. У значительного числа пилотов и наводчиков по истечении контракта были диагностированы признаки посттравматического стрессового расстройства. В отсутствие физической угрозы собственной жизни и прямой «сцепки» с мишенью (того, что в акторно-сетевой теории называется *entanglement*²) пилоты утрачивали способность справляться с техникой. По результатам диагностики 42% действующих экипажей обнаружили признаки тех или иных стрессовых расстройств, 20% — тяжелое эмоциональное выгорание.

Для психологов и философов эта ситуация представляет несомненный интерес — либо как пример эволюции технических си-

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы «Социальная топология городского пространства: механизмы эмансипации и интервенции новых пространственных порядков» (Центр социологических исследований РАНХиГС при Президенте РФ).

1. Powers M. Confessions of a Drone Warrior // GQ. 22.10.2013. URL: <http://www.gq.com/story/drone-uav-pilot-assassination?currentPage=1>.
2. Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 169–198.

стем уничтожения³, либо как реакция на эту эволюцию. Но для социолога она напрямую связана с двумя ключевыми вопросами современной социальной теории.

1. Кто действует? Является ли беспилотник пассивным инструментом для оператора? Можем ли мы редуцировать действие пилота к субъективно полагаемому смыслу, вложенному им в нажатие соответствующих клавиш? Или к принятию решения (стрелять/не стрелять)? А если бы решение о нанесении удара было делегировано машине (технические характеристики дронов уже позволяют такую передачу полномочий), сказали бы мы, что беспилотные летательные аппараты действуют *вместе* со своими операторами? И как именно социологу следует мыслить такие «действующие вещи»? Любопытно, что именно «субъективация» машины была рекомендована военными психологами для снижения уровня стресса у пилотов: предлагалось сделать интерфейс взаимодействия с дроном аналогичным интерфейсу приложения *Siri* (чтобы у оператора была возможность сказать: «Это он сам убил тех людей»)⁴.

2. Где локализовано действие? В Неваде, Ираке, Афганистане или где-то «между»? Взаимодействие стрелка и мишени, палача и жертвы — это фреймированное взаимодействие⁵. Но как именно оно фреймировано? Действия пилота и действия дрона некоторым (техническим) образом сцеплены с действиями их мишеней. И одновременно — «расцеплены» с действиями окружающих (в бункере всегда темно, чтобы пилоты могли сосредоточиться на экране и не видеть друг друга). Однако это не полное сцепление и не полное расцепление. Где же тогда «находится» действие пилота?⁶ И как специфика такой ситуации — баланс сцепок и расцеплений — связана, с одной стороны, с технизацией социального взаимодействия, а с другой — с психологическим выгоранием действующего?

3. Деланда М. Война в эпоху разумных машин. М.: Кабинетный ученый, 2015.

4. Powers M. Op. cit.

5. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. ст. Г. С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003; Вахштайн В. С. «Практика» vs «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 65–95.

6. Goffman E. Where the Action Is // Goffman E. Interaction Ritual. Garden City: Anchor Books, 1979.

Рис. 1. Управление дроном MQ-9 Reaper: слева — пилот, справа — наводчик [источник: Airman 1st Class Michael Shoemaker/USAF]

Мэтью Пауэрс, показавший в 2013 году социологам, как именно беспилотники атакуют наши традиционные представления о социальном действии и фреймах интеракции, погиб полгода спустя во время другого журналистского расследования в Уганде. Оператор дрона может позволить себе страдать удаленно, в ситуации «расщепления». Репортер же всегда находится в полной сцепке с объектом.

Социология повседневности после «поворота к материальному»

Два обозначенных выше вопроса вошли в повестку дня социологической теории в 90-е годы прошлого века, но так и остались без ответа. Первый фронт — атака на теорию социального действия — был открыт работами Брюно Латура, Мишеля Каллона, Джона Ло и Аннмари Мол. Теперь мы знаем, что морские гребешки действуют вместе с рыбаками и учеными⁷, микробы действуют вместе с Пастером⁸, втулочный насос действует вместо абorige-

7. См. перевод статьи Мишеля Каллона «Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё» в настоящем номере «Логоса».

8. Латур Б. Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета, 2015.

нов⁹, а дверной доводчик действовать отказывается и тем нарушает баланс распределенной агентности¹⁰. Второй фронт — ревизия интеракционистской социологии — был открыт теми же авторами, но действия на нем завершились, по сути не начавшись: требованием «материалистической» трактовки понятия фрейма и цензурированием предиката «социальное» в словосочетании «социальное взаимодействие»¹¹. Если это все, чего исследователям постсоциального мира удалось достичь за 25 лет деклараций, манифестов и ожесточенных дискуссий, то битву следует признать безнадежно проигранной. Ситуация осложняется еще и терминологической путаницей: мы продолжаем использовать номинации «акторно-сетевая теория», «поворот к материальному», «социология техники» и «социология вещей» так, как если бы они были синонимами.

И тем не менее на одну конкретную область социологических исследований вторжение социологии вещей оказало деструктивное, но благотворное терапевтическое воздействие. Эта область — исследование повседневных социальных взаимодействий. Благодаря «повороту к материальному» микросоциологи сегодня вынуждены заново рефлексивным образом пересобирать аксиоматику своей дисциплины, вновь отвечая на фундаментальные вопросы о природе повседневности, взаимодействия и социального порядка. Просто потому, что исследование роли материальных объектов в повседневном взаимодействии уже предполагает «пересборку» самого концепта повседневности.

Исходно в основе концептуализации повседневности лежит метафора мира социальных взаимодействий лицом-к-лицу как одного из «регионов» всепроникающего и вездесущего социального порядка. Впрочем, слово «порядок» само по себе крайне двусмысленно. С одной стороны, речь идет о порядке-как-связи. Одни взаимодействия связаны с другими и не связаны с третьими (отсюда привлекательность метафоры «цепочки взаимодействий»¹²). Имеем ли мы в виду некоторый «локальный порядок»

9. Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42. См. также перевод статьи Марианны де Лаэт и Аннмари Мол «Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии» в настоящем номере «Логоса».

10. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. С. 199–222.

11. Он же. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

12. Collins R. Interaction Ritual Chains. N.Y.: Rowman & Littlefield, 2006.

(столь любимый исследователями-этнометодологами¹³), не нами установленный порядок норм и санкций, порядок ритуала или некоторый спонтанный порядок социальной жизни, мы говорим о связи. Событие интеракции *x* связано с событием интеракции *y*. Как именно связано — отдельный вопрос. Мы вправе усматривать в этой связи причинность («если *x*, то *y*») или ограничиться констатацией соположения событий в пространстве и времени, но сам факт их *избирательной связности* не ставится под сомнение¹⁴.

С другой стороны, любой порядок — это всегда один из возможных порядков. А значит, событие взаимодействия *x* принадлежит к некоторому множеству событий *X*. (Этому же множеству может принадлежать и связанное с событием *x* событие *y* — тогда речь идет о связанных однопорядковых взаимодействиях, или, как мы будем говорить далее, о «серии событий взаимодействия в одном фрейме».) Итак, вторая значимая для нас интуиция — интуиция порядка-как-множества. Именно она лежит в основании теории фреймов с того момента, как Грегори Бейтсон — на примере игровой коммуникации животных — использовал аналогию границы множества для введения самого понятия «фрейм»¹⁵.

Впрочем, асимметричность двух интуиций порядка не стоит переоценивать. Говоря о «фреймированных взаимодействиях», классики микросоциологии имели в виду оба значения — элементы интеракции связаны между собой и вместе с тем принадлежат некоторому множеству. Это взаимосвязанные свойства порядка.

Ирвинг Гофман, обращавшийся к понятию порядка и в своей докторской диссертации, и в предсмертном президентском послании, сформулировал данный тезис следующим образом:

...я хочу суммировать доводы в пользу рассмотрения порядка взаимодействия в качестве самостоятельной содержательной области. Вообще говоря, обоснованием такого «вырезания» одного участка социальной жизни должно служить обоснование

13. Корбут А. М. Гоббсова проблема и ее решение: нормативный порядок и ситуативное действие // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 9–24.

14. Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // Логос. 2004. № 5 (44). С. 3–28.

15. Бейтсон Г. Теория игры и фантазии // Он же. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии / Пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. М.: Смысл, 2000.

любого аналитического извлечения: то, что элементы, образующие порядок, связаны друг с другом теснее, чем с элементами вне этого порядка; что отношения между порядками составляют важный самостоятельный предмет исследования, которое предполагает прежде всего разграничение нескольких социальных порядков...¹⁶

Таким образом, исследование связи между событиями *x* и *y* — лишь часть проблемы. Требуется также установить отношение между разными событийными порядками (*X* и *Z*). Сложность состоит в том, что тогда нам придется различать не только разные «порядки порядков» (они же «системы фреймов»), но и упорядочивать их по степени «реальности». К примеру, события взаимодействий на лекции сцеплены между собой сильнее, чем взаимодействия на лекции с взаимодействиями на перерыве: «лекция» и «перерыв» — разные, но примыкающие друг к другу во времени порядки интеракции. Тогда как события в «лекции» и в «студенческой пародии на лекцию» связаны друг с другом некоторым семиотическим образом, но принадлежат разным слоям реальности («лекция» и «игра в лекцию»). Об этом, по сути, вся теория фреймов¹⁷.

Но не теория материальности.

Ролевые диспозиции вещей

Новое аксиоматическое допущение, навязанное нам недавно «поворотом к материальному», состоит в следующем. Материальные объекты не просто являются «ресурсами» интеракции, они не просто инкорпорированы, «встроены» в социальные взаимодействия — они играют ключевую роль в том, как эти взаимодействия упорядочены. Из предыдущего тезиса следует, что объекты должны иметь отношение к обеим интуициям порядка. Попробуем — пока очень бегло и неизбежно поверхностно — выделить те функциональные модусы, ролевые диспозиции, которые позволяют материальным объектам выступать операторами (и даже гарантами) порядка интеракции.

Во-первых, это модус непосредственного соединения событий взаимодействия, обеспечения их связности. Если группа

16. Гофман И. Порядок взаимодействия / Пер. с англ. А. Корбута // Социология власти. 2014. № 1. С. 167.

17. Он же. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта.

ученых после тяжелого первого дня конференции занимает лавочку во дворе университета и пускает по кругу бутылку виски, то такие характеристики этого объекта, как количество наполняющей его жидкости, ее химические свойства и даже форма крышки (некоторые крышки могут использоваться в качестве рюмки) приобретают значение для взаимодействия. События этого порядка интеракции связаны между собой «включением» бутылки с алкоголем, которая играет роль метронома и шахматных часов одновременно, — возникающий порядок ритмичен, цикличен, дискретен (элементы взаимодействий, равно как и их последовательности, хорошо различимы). Это модус установления событийной связи (*mode of connecting*) внутри одного порядка взаимодействия.

Во-вторых, материальные объекты обладают сигнальной или метакоммуникативной функцией. Они зримо маркируют ситуацию как именно данную ситуацию. Бутылка виски недвусмысленно сообщает всем компетентным участникам взаимодействия, что именно здесь происходит. Сторонний наблюдатель также однозначно фреймирует увиденное благодаря наличию считываемого материального маркера. Мяч не только сцепляет действия игроков, он делает их взаимодействие распознаваемым как «игру в футбол». Дверь в торговый центр может транслировать (или не транслировать) сообщение «Это — торговый центр»¹⁸. Еще десять лет назад человек, который шел по улице, жестикулируя и громко разговаривая сам с собой, распознавался как сумасшедший; сегодня мы первым делом проверим, нет ли у него в ухе гарнитуры *hands free*. Данный модус — способность вещей выступать носителями метакоммуникативных сообщений — лучше всего изучен в фрейм-анализе (скорее благодаря интуициям Бейтсона, нежели Гофмана). Мы обозначим его здесь как модус сигнализации (*mode of signaling*).

В-третьих, вещи могут служить установлению и поддержанию фрейма взаимодействия не только как маркеры, сообщения или сигналы; они суть физические условия возможности порядка интеракции. Стены, ширмы, кулисы, стеклянные перегородки в офисах, мосты, лифты, лампы, лестницы, турникеты, барные стойки и эскалаторы конституируют взаимодействие людей не только тем, что делают ситуации считываемыми и рас-

18. Об исследовании «социальной работы» дверей при входе в торговый комплекс «Охотный ряд» см.: Вахштайн В. С. Теория фреймов и социология повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета, 2011.

познаваемыми. Они «сцепляют» и «расцепляют» разные порядки взаимодействий в пространстве и времени. Чтобы быть сцепленным с событием y , событие x должно быть отвязано от события z . Материальные объекты (прежде всего архитектурные и технические) разделяют связанное и связывают разделенное¹⁹. В акторно-сетевой теории две эти функции (которые, как мы стараемся показать далее, являются двумя проявлениями одного функционального модуса) описываются в категориях «сцепки» и «расцепления» порядков взаимодействия (*mode of entangling/disentangling*)²⁰.

Первые три функциональных модуса имеют отношение:

- а) к установлению и поддержанию связности взаимодействий внутри одного порядка интеракции;
- б) поддержанию смысловых границ порядка, его распознаваемости и интерпретируемости;
- в) разделению и связыванию различных порядков.

Две другие ролевые диспозиции материальных объектов в социальном взаимодействии содержат в себе любопытные вызовы для интеракционистской теории.

Итак, в-четвертых, есть некоторый набор материальных объектов, которые непосредственно конституируют ситуации нашего взаимодействия, но не принадлежат ни одной из них, — они становятся условиями возможности взаимодействия как такового, «по ту сторону» каждого конкретного интеракционного порядка. Эти объекты — общие интеракционные знаменатели. Таким экзистенциальным объектом является, к примеру, тело взаимодействующего. Тело и повседневная одежда никогда не встроены полностью в какой-то отдельный порядок интеракции и конституируют нечто большее, чем конкретное взаимодействие. Протез и кардиостимулятор (если они исправно работают и используются по назначению) трансцендируют пределы каждого конкретного событийного порядка²¹. Назовем этот модус инкорпорирова-

19. Интересное развитие этой темы было предложено в работе Нильса Кловайта: Кловайт Н. Конститутивные эффекты технологических фреймов в повседневном взаимодействии // Социология власти. 2015. № 1. С. 166–180.

20. Латур Б. Об интеробъективности; Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.

21. Мол А. Множественное тело // Социология власти. 2015. № 1. С. 232–247.

ния — за неимением лучшего термина — модусом трансценденции (*mode of transcending*).

Наконец, пятый функциональный модус связан с любопытной способностью материальных объектов занимать место субъекта в социальном взаимодействии. Мы разговариваем со своим автомобилем (особенно когда он не заводится), девочка разговаривает со своей куклой, попавший на необитаемый остров разговаривает с волейбольным мячом. И практически все без исключения разговаривают со своими домашними животными. Игрушки, животные (включая «Тамагочи»), автомобили и некоторые другие наделенные особой эмоциональной значимостью вещи обладают способностью поддерживать фреймы взаимодействия в качестве участников, а не в качестве реквизита или технического условия возможности. Взаимодействие с такими объектами всегда эмоционально окрашено, подобно отношению одного из героев Хемингуэя к своему револьверу²². Это «модус одушевления» (*mode of animation*).

Далее мы сфокусируемся на третьем из выделенных выше модусов — на функции сцепления и расцепления (*entangling/disentangling*) порядков интеракции. Но вначале необходимо сделать несколько существенных оговорок.

Во-первых, каждый объект в каждый момент взаимодействия играет, как правило, более одной «роли». Бутылка виски — одновременно и соединительный механизм наших взаимодействий, и маркер фрейма «возлияние с коллегами в полевых условиях». Занавес — и маркер театрального порядка взаимодействий, и перегородка, отцепляющая (*disentangle*) порядок сцены от порядка зрительного зала. Тело под наркозом на операционном столе — и экзистенциальный объект (смерть из-за ошибки хирурга повлечет за собой последствия не только для данного конкретного порядка интеракции), и то, что фокусирует/соединяет действия операционной команды, и то, что однозначным образом маркирует фрейм «операция».

22. «Он нащупал пули в кармашке шортов, а потом подтянулся на локтях туда, где песок был суше и даже белее, если только такая белизна поддавалась сравнению, и лег, прислонившись головой к серому топляку, с револьвером между ног.

— И давно ты стал моей девушкой? — сказал он револьверу. — Не отвечай, — сказал он револьверу, — лежи там тихо, смирно, а придет время, ты у меня убьешь кого-нибудь получше этого сухопутного краба...» (Хемингуэй Э. Острова в океане. М.: АСТ, 2010).

Во-вторых, те роли, в которых объекты вступают во взаимодействие, не прибиты намертво к самим объектам. Одушевляться могут далеко не только игрушки, общим знаменателем выступать может не только тело, «расцеплению» способствуют не только стены, а «сцеплению» — не только технические средства связи. Наконец, теоретику фреймов кажется само собой разумеющимся утверждение о том, что всякий объект, вовлеченный в человеческое взаимодействие, становится также и знаком самого себя, а значит, начинает выполнять функцию сигнализации.

Из первых двух оговорок следует, что отношения между объектами и их функциональными ролевыми диспозициями *контингентны, то есть не предзаданы, но и не случайны*.

Третья оговорка касается основания для выделения функциональных модусов вещей, их ролевых диспозиций. Для нас таким основанием выступает приведенная выше концептуализация «порядка взаимодействия» как инстанции особого рода. Именно поэтому мы отказываемся от выделения в самостоятельный класс «сакральных объектов»²³, «эпистемических объектов»²⁴, «нарративных объектов»²⁵, «объектов риска»²⁶, «инструментальных объектов»²⁷, а также «товаров», «средств обмена» или «средств производства». В конечном итоге значение имеет лишь то, что этот объект «делает», как именно он встроен в нашу интеракцию, какую роль в ней играет и какое влияние на нее оказывает. Сакральный объект в ритуале фокусирует действия участников, сцепляя события интеракции в фрейме «ритуал», но он же является и символическим маркером данного фрейма, и экзистенциальным объектом (при условии, что конституирует нечто большее, нежели данный конкретный порядок взаимодействия). То же касается и остальных примеров — в порядке мысленного эксперимента: представьте себе топор дровосека, инкорпорированный во взаимодействие во всех пяти ролевых модусах.

Сделаем следующий ход и сфокусируемся на третьей из описанных выше ролевых диспозиций объектов-во-взаимодей-

23. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. L.: Allen & Unwin, 1971.

24. Rheinberger H.-J. Toward a History of Epistemic Things. Stanford: Stanford University Press, 1997.

25. Харре Р. Материальные объекты в социальных мирах // Социология вещей.

26. Luhmann N. Communication and Social Order. Risk: A Sociological Theory. B.: De Gruyter, 1993.

27. Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. С. 307–341.

ствии — сцеплении/расцеплении. Эта ролевая диспозиция, напрямую связанная с установлением и поддержанием отношений между разными порядками взаимодействия, имеет центральное значение для двух исследовательских направлений: социологии архитектуры и социологии техники.

***Entangling/disentangling*: симметрия или асимметрия?**

Из классиков нашей дисциплины проблему сцепления/расцепления, соединения и разъединения как двух базовых операций социальной жизни лучше всего сформулировал Георг Зиммель. Воплощением функции соединения для него оказывается даже не дорога (хотя Зиммель и отдает должное «людям, первым проложившим дорогу между двумя местами»), а мост, поскольку именно здесь «человеческое стремление к соединению наталкивается не просто на пассивную разобщенность пространства, но на специфически активную его конфигурацию»²⁸. Что значит специфически активная конфигурация «разобщенности пространства», которая и делает мост столь выдающимся социально-архитектурным достижением? Это любопытный вопрос, в котором обнаруживается двойственность зиммелевского теоретизирования о материальности.

Начнем с того, что Зиммель — единственный классик социологии, посвятивший ряд работ отдельным материальным предметам («Руина», «Мост и дверь», «Рама картины», «Ручка»). Но предметы для него суть смысловые, а не материальные единства. Такая постановка вопроса позволяет Зиммелю говорить о различных в восприятии вещах как об «экземплярах» и «видах» (*Ausgestaltungen*) одной и той же вещи; его занимает не онтология, а логика вещей.

Однако на природные объекты эта модель не распространяется. Пространство уже активным образом разделено. Овраг или устье реки обладают самостоятельным онтологическим статусом — человеку приходится соединять то, что разделено в природе. Мост — не просто проекция «социальной логики соединения» в пассивный ландшафт. Он соединяет нечто само по себе отдельное и активно ему противостоящее. Создатели дорог соединяют *удаленное*, но строители мостов соединяют *разделенное*. Это утверждение весьма далеко от представлений об архитекторе

28. Зиммель Г. Мост и дверь / Пер. с англ. В. Вахштайна // Социология власти. 2013. № 3. С. 146.

как о человеке, который из «пассивных элементов, целиком принадлежащих природе», собирает некоторое завершенное смысловое единство. Элементы не пассивны, а природа — не *tabula rasa*.

Обратная функция — функция разъединения, — по мысли Зиммеля, архитектурно воплощена в двери:

Подобно первопроходцу, построившему дорогу, тот, кто первым сделал дверь, приумножил власть человека в сравнении с властью природы, вырезав фрагмент из непрерывного бесконечного пространства и придав ему завершенность в соответствии с единым замыслом²⁹.

Однако здесь мы видим прямо противоположный ход: «природный ландшафт» лишается своей активной роли и отождествляется скорее с «непрерывным бесконечным пространством», чем с «властью природы».

В отличие от стены или окна, дверь разделяет «внутреннее» и «внешнее» обратимым, но интенциональным образом. Это утверждение позволяет Зиммелю ввести интересный тезис об *интенциональности* архитектурных объектов — окно предназначено для того, чтобы смотреть «наружу» (и очень редко — «внутрь»), двери готических храмов сделаны так, чтобы «вводить» в помещение (а не выводить из него), мост не предписывает направления, но требует, чтобы мы шли из точки А в точку Б по прямой, не отклоняясь от намеченного строителями маршрута. Свойство интенциональности, традиционно считающееся прерогативой человека, неожиданно объявляется свойством самого объекта. При этом Зиммель оставляет за скобками множество интригующих вопросов. Например, если религиозная доктрина запрещает зашторивать окна домов (с тем, чтобы специально обученная полиция нравов могла с улицы наблюдать за частной жизнью горожан: не предаются ли они праздности в часы, предназначенные для работы и молитвы) — это все еще то же самое окно? Как (для социолога) различаются дверь, разделяющая две комнаты одной квартиры, дверь, отделяющая квартиру от лестничной клетки, и дверь подъезда? Если дом построен прямо на мосту — как интенциональность его входной двери сопряжена с интенциональностью моста? Мост, соединяющий берега реки, и мост, служащий переходом между двумя небоскребами, — это «логически» разные мосты? И в чем принципиальное различие их «социальных логик»?

29. Там же. С. 147.

Оставим пока эти вопросы и вернемся к модусам соединения/разъединения. Зиммель убежден в симметричности и равнозначности двух операций, ибо для него «человек — существо, соединяющее и разъединяющее, существо, не способное соединить, не разъединяя»³⁰. Эта симметрия соединения/разъединения дополняется квазисимметричными отношениями природы и духа — они оба активны (хотя и по-разному), и там и там уже есть связанность и различенность.

Принципиально иное теоретическое решение предлагает Брюно Латур. В тексте «К социологии одной двери»³¹ он решительно отказывается от такой по-зиммелевски диалектической модели мышления. Нет никакой симметрии между установлением связи и ее разрывом. В «естественном состоянии» все уже связано со всем. Максима технической эволюции — производство расцеплений и автономий. Именно поэтому дверь (стеклопакет, обогреватель, кондиционер) обладает чем-то вроде онтологического приоритета в сборке и переборке порядков интеракции.

Движение рассеивания и сепарации — основной вектор эволюции социального взаимодействия: это движение от комплексного к сложному.

Для Латура комплексным является взаимодействие обезьян:

...рассмотрим стаю из примерно ста бабуинов, живущих посреди саванны, постоянно следящих друг за другом, чтобы знать, куда идет стая, кто за кем ухаживает, кто на кого нападает и кто от кого защищается. Затем нужно перенестись в воображении к излюбленной сцене интеракционистов, где несколько человек — чаще всего двое — взаимодействуют в уединенных местах, скрытых от взглядов других. Если «ад — это другие», по выражению Сартра, то бабуинский ад отличается от человеческого: постоянное присутствие других оказывает воздействие, совершенно отличное от того, которое описывает «интеракционизм за закрытыми дверями». Здесь необходимо провести различие между двумя принципиально различными значениями слова «взаимодействие». Первое, как уже было показано выше, относится ко всем приматам, включая людей, тогда как второе относится только к людям. Чтобы сохранить привычный термин, следует говорить о *фреймированных взаимодействиях*. Единственное различие между ними связано с существованием стены, перепо-

30. Там же. С. 149.

31. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери.

родки, оператора редукции, *je ne sais quoi*, чье происхождение пока остается неясным³².

Что делает взаимодействие приматов комплексным? Их «сцепленность», взаимосвязанность, соприсутствие, неавтономность друг от друга. Любой примат может вмешаться в действие любого другого. Что отличает взаимодействие людей? «Расцепленность», дислокация, дискретность — то, что Латур вслед за Ирвингом Гофманом называет фреймированностью. Однако для Гофмана «фрейм» — это прежде всего указание на смысловой порядок взаимодействия людей. Для Латура же это двери, перегородки, ширмы, укрытия, стены... иными словами, все те операторы дискретизации и расцепления, которые делают возможным «вложение» одних порядков взаимодействия в другие без всякой их сцепки. Он продолжает:

Таким образом, каждый раз, когда мы переходим от комплексной социальной жизни обезьян к нашей собственной социальной жизни, нас поражает множество действующих одновременно сил, размещающих соприсутствие в социальных отношениях. Переходя от одного к другому, мы движемся не от простой социальности к комплексной, а от комплексной социальности — к сложной. Эти два прилагательных, хотя и имеют одинаковую этимологию, позволяют провести различие между двумя сравнительно разными формами социального существования. «Комплексное» означает одновременное наличие во всех взаимодействиях большого числа переменных, которые не могут рассматриваться дискретно. «Сложное» будет означать последовательное присутствие дискретных переменных, которые могут быть исследованы одна за одной, и *сложены* друг в друга на манер черного ящика. «Сложное» точно так же отличается от комплексного, как и простое (Strum S., Latour B. The Meaning of Social: from Baboons to Humans // Social Science Information. 1987. Vol. 26. № 4. P. 783–802)³³.

Поясним латуровский тезис на нескольких примерах.

Когда в комнате становится душно, мы открываем окно. В прежней технологической версии мы бы открыли форточку — сейчас просто поворачиваем ручку вверх, чтобы установить

32. Он же. Об интеробъективности. С. 175.

33. Там же. С. 180.

стеклопакет в режим проветривания. Если при этом за окном –30, мы вскоре предпочтем закрыть окно и через некоторое время продолжим страдать от духоты, пока снова не откроем окно. Наша комната «сцеплена» с внешним миром, несмотря на усилия двух относительно исправно работающих технических посредников: батарей центрального отопления и недавно установленных стеклопакетов. Без их посредничества квартира быстро стала бы необитаемой, утратив относительную климатическую автономию от внешнего мира.

Но это именно относительная автономия. Комната остается до некоторой степени «сцепленной» с холодной Москвой, и наш удел — осцилляция между «душно» и «холодно». Если бы в квартире была установлена комплексная система искусственного климата, эту проблему можно было бы решить (как, впрочем, и множество других проблем; меня поймут те, кто пережил шесть лет назад аномальную московскую жару и последствия пожаров на подмосковных торфяниках). Тогда относительная климатическая автономия квартиры, гарантированная сейчас лишь батареями и стеклопакетом, превратилась бы в полноценный суверенитет. До первой существенной поломки. Неслучайно в странах с жарким климатом (например, в ОАЭ или Израиле) команда по срочному ремонту кондиционеров выезжает на место почти так же быстро, как пожарные и скорая.

Другой пример эффекта «расщепления» — подземка. Если завтра московское метро (по неведомой мистической причине) прекратит свою работу, половина жителей города просто не смогут добраться до своих домов «по верху». Десятилетиями мы перемещаемся из точки А в точку Б, измеряя это расстояние количеством треков в плеере, прочитанных страниц или отвеченных СМС. Наши перемещения — благодаря мощнейшей технологии подземного транспорта — «расщеплены» с городским ландшафтом, дорогами, пробками, машинами, зданиями и остальной инфраструктурой. Пассажиры подземки обладают той степенью «автономии от внешней среды», о которой автомобилисты могут только мечтать (за это им приходится расплачиваться личной не-автономией от внутренней среды вагона, которой автомобилисты боятся сильнее пробок).

Наконец, более экзотический пример. В чем принципиальное отличие старого доброго самолетного трапа от перехода типа «рукав»? Благодаря рукаву вам не нужно одеваться и нырять в ветер и рев аэродрома, не нужно подниматься по ступенькам трапа, восхищаясь и ужасаясь при виде ожидающего вас крылатого «Ти-

таника». Вы можете пропутешествовать всю свою жизнь, облететь весь мир и ни разу не увидеть перевозящих вас машин иначе как изнутри или через стекло иллюминатора. Трап-рукав «сцепляет» пространство салона напрямую с пространством терминала, превращая их в подобие метро — мир, герметично замкнутый на себя, временно (до первой серьезной аварии или теракта) освобожденный от внешних условий своего существования.

Конститутивные объекты: архитектура и техника

Теперь мы можем оценить преимущество асимметричного (латуровского) решения над симметричным (зиммелевским). Сцепление порядков взаимодействия — производная от предшествующего их расщепления, дискретизации. Латуровский мир — это мир множественных порядков интеракции, вложенных друг в друга, сосуществующих в непосредственной пространственно-временной близости, но отчасти суверенных и полуавтономных. Это мир современной технически опосредованной коммуникации.

До Латура исследователи техники полагали, что главное предназначение технологических объектов — связывать разные порядки взаимодействия. Средства связи стали метонимией любого технического объекта. Отсюда «антиутопия недалекого мира» Мартина Хайдеггера:

Все временные и пространственные дали сжимаются. Куда раньше человек добирался неделями и месяцами, туда теперь он попадает на летающей машине за ночь. О чем в старину он узнавал лишь спустя годы, а то и вообще никогда, о том сегодня радио извещает его ежечасно в мгновение ока. Созревание и цветение растений, сокровенно совершавшиеся на протяжении времен года, киноплёнка демонстрирует теперь публично за минуту. Далекие становища древнейших культур фильм показывает так, словно они прямо сейчас расположились посреди людной площади. Кино засвидетельствует показываемое вдобавок еще и тем, что дает попутно увидеть съемочный аппарат и обслуживающего его человека за работой. Предел устранения малейшего намека на дистанцию достигается телевизионной аппаратурой, которая скоро пронизет и скрепит собой всю многоэтажную махину коммуникации³⁴.

34. Хайдеггер М. Вещь // Он же. Время и бытие. М.: Гнозис, 1993.

По Хайдеггеру, техника устраняет дистанцию, убивает саму интуицию «далекого». Но без «далекого» нет «близкого». Возникает универсум, в котором ничто по-настоящему не удалено от нас, но ничего и не близко — мир тотальной неразличимости, мир, где повседневность лишена близости.

Хайдеггеровское решение так же асимметрично, как и латуровское, но прямо противоположно ему: взаимодействие людей эволюционирует в направлении «дивного нового мира», где все связано со всем посредством проникающих в ткань повседневности технических устройств³⁵. Латур же настаивает: «Техника не устраняет дистанцию, но создает ее»³⁶.

Итак, перед нами три теоретических решения: зиммелевское (симметричное), латуровское (асимметрия в пользу расщепления), хайдеггеровское (асимметрия в пользу сцепления). Здесь возникает огромное искушение «примирить» позиции теоретиков, атрибутировав функцию расщепления архитектурным объектам, а функцию сцепки — техническим. И действительно. Представьте себе лекцию в поточной аудитории крупного вуза. Время, когда Ирвинг Гофман мог позволить себе анализировать свою собственную публичную лекцию в процессе ее чтения так, как если бы все анализируемое им было локализовано перед его глазами, здесь-и-сейчас³⁷, осталось в невозвратном прошлом. Студенты, изредка отвлекающиеся на перешептывания и затихающие под строгим взглядом профессора, различение переднего и заднего планов исполнения, многочисленные уловки, которые профессор использует в попытке удержать внимание аудитории... Все это отходит на периферию, когда в аудитории обнаруживается вай-фай. Сейчас перед глазами профессора сосуществуют сразу несколько порядков интеракции, относительно автономных друг от друга и не связанных с лекцией ничем, кроме досадного пространственно-временного сопряжения. Теперь представим, что лекция переходит в фрейм видеоконференции: на экране появляется точно такая же аудитория, но на другом конце света, где так же сидят профессор и студенты (занятые примерно тем же, что

35. Кажется, сходной позиции придерживался и Никлас Луман: «Техника делает возможным (всегда с оговоркой, что она при этом функционирует) сцепление абсолютно гетерогенных элементов» (Луман Н. Общество общества / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Логос, 2010. С. 562).

36. Латур Б., Эннхон А. Как ошибки во множестве категорий приводят к известности // Гефтер.ру. 29.11.2013. URL: <http://gefter.ru/archive/10660>.

37. Гофман И. Лекция / Пер. с англ. А. Корбута, А. Царевой // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 4–26.

и студенты в первой аудитории). Как теперь переформируется взаимодействие?

Нетрудно заметить, что технические объекты здесь работают не только на сцепку, но и на расцепление порядков интеракции (равно как и на связывание отдельных событий взаимодействия внутри одного порядка — то, что мы в начале статьи назвали первым функциональным модусом). Погружение в переписку с однокурсником в «Фейсбуке» одновременно исключает участника из взаимодействия с лектором. Мы регулярно используем технические объекты для расцепления порядков интеракции: планшет в вагоне метро нужен не как средство связи, а для того, чтобы сократить вероятность участия в вагонной коммуникации. Аналогичным способом как инструмент расцепления используется прослушивание музыки («Уважение — это когда, чтобы поздороваться, вынимают оба наушника»). Таким образом, в приведенных выше примерах технические объекты работают в обе стороны: и на сцепление, и на расцепление порядков. Однако то же самое справедливо в отношении объектов архитектурных — видеоконференцию можно провести лишь в подходящем для этого помещении, которое должно быть одновременно должным образом изолировано от внешнего мира и сцеплено с ним в релевантных отношениях.

Между архитектурой и техникой с точки зрения выбранной перспективы нет принципиальных различий: архитектурные и технические объекты являются прежде всего объектами *конститутивными*, создающими условия возможности интеракции. Следовательно, было бы неверно помещать архитектуру на одну сторону различия сцепка/расцепление, а технику — на другую.

Более того, мы можем сделать следующий шаг и допустить, что сцепка/расцепление порядков — это два проявления одной и той же ролевой диспозиции материальных объектов в конституировании социального взаимодействия. Как же тогда быть с латуровским решением об их асимметричности? Не возникает ли здесь парадокса: конститутивные объекты (архитектурные или технические) являются операторами сцепления/расцепления, но расцепления — в большей степени? Нет. Потому что Латур говорит об их *эволюционной* асимметрии.

Техника и архитектура лучше всего иллюстрируют тезис об эволюционном доминировании феномена *disentanglement* — благодаря их развитию мы обнаруживаем себя в мире нор и складок, в мире множественных, никак не связанных друг с другом фор-

матов интеракции. Но это вовсе не означает, что каждый конкретный материальный оператор социального взаимодействия в каждый конкретный момент времени не может работать симметричным образом: на сцепку одних порядков и на расцепление других.

Далее мы на одном конкретном случае продемонстрируем то, как феномен расщепления проявляет себя в эволюции урбанистического воображения.

Исследование случая: пересборка Манхэттена

В увлекательном манифесте *Delirious New York* Рем Колхас анализирует своеобразную урбанистическую идеологию «манхэттенизма»³⁸.

Манхэттенизм, как описывает его Колхас, — это урбанизм скальпеля. Творцам Манхэттена удалось создать нечто, не имеющее аналогов в истории архитектуры, благодаря трем сечениям, трем разрезам на теле города и его зданий. Колхас называет эти разрезы «решетка», «лоботомия» и «схизма». Он отмечает:

Решетка — или любая другая система деления территории метрополиса на максимальное количество различных режимов — описывает архипелаг из многих «городов внутри города». Чем сильнее каждый «остров» отстаивает свои особые ценности, тем больше укрепляется архипелаг как система³⁹.

Самое интересное и самое непростое в этой фразе — идея «различных режимов», под которые дробится пространство города. О каких режимах идет речь? Вероятно, не просто о режимах повседневного функционирования (пространство отдыха, пространство работы, пространство свободного общения) — в самой идее функционального зонирования нет ничего нового и тем более специфически нью-йоркского. Мы вольны выбирать любое теоретически обоснованное решение: от экзистенциально нагруженной категории «режимов человеческого существования» (что автоматически перенесет колхасовский аргумент в совершенно иной философский контекст⁴⁰) до чуть

38. Колхас Р. Нью-Йорк вне себя / Пер. с англ. А. Смирновой. М.: Strelka Press, 2013.

39. Там же. С. 312.

40. Weiss P. Modes of Being. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1958.

более привычных социологу категорий «коммуникативных режимов» и «режимов вовлеченности» (что позволит задействовать ресурсы фрейм-анализа и теории коммуникации⁴¹). Колхас рассказывает:

В 1807 году Симеон де Витт, Говернер Моррис и Джон Резерфорд образовали комиссию по созданию новой модели городского развития. Эта модель должна определить, как произойдет «окончательное и полное» заселение Манхэттена. Через четыре года они выступают с предложением проложить выше той демаркационной линии, которая отделяет существующую часть города от еще не существующей, 12 авеню с севера на юг и 155 улиц с востока на запад. Это простое предложение описывает город $13 \times 156 = 2\,028$ кварталов (за вычетом топографических погрешностей) — матрицу, которая разом структурирует и всю свободную территорию острова, и всю будущую деятельность его жителей. Это манхэттенская решетка⁴².

Колхас подчеркивает «прикладной утопизм» авторов манхэттенской решетки. Однако нетрудно заметить, что в утопическом городе решетка — инструмент подчинения несовершенной «топографии» совершенному «разуму». Именно поэтому даже в децентрализованных эгалитарных утопических проектах (воспевающих самоорганизацию и отсутствие абсолютного центра управления) гомогенность и строгое единообразие уличной решетки призваны устранить саму возможность архитектурной анархии. Колхас же указывает на прямо противоположную функцию манхэттенского грида:

С такой структурой Манхэттен навеки получает иммунитет к любому (дальнейшему) тоталитарному вмешательству. Каждый его квартал — самая большая территория, над которой может быть установлен полный архитектурный контроль, — превращается в максимальный модуль реализации урбанистического *его*. <...> Город становится мозаикой из эпизодов разной продолжительности, соперничающих друг с другом при посредничестве манхэттенской решетки⁴³.

41. Гофман И. Анализ фреймов.

42. Колхас Р. Указ. соч. С. 16–17.

43. Там же. С. 19.

Ключевое слово — посредничество. Но это очень условная метафора: нью-йоркская решетка скорее разрывает связь кварталов, чем опосредует ее.

Утопический грид уподобляет кварталы друг другу, приводя их к общему знаменателю города. Напротив, нью-йоркская решетка «разрезает» пространство на равносторонние прямоугольники, наделяя их автономией друг от друга и от города в целом. При всем внешнем подобии эти сегменты практически суверенны: квартал антикварных лавок может соседствовать с жилым кварталом, а тот в свою очередь — с кварталом красных фонарей, сразу за которым обнаруживается поражающий своей мощью псевдоготический собор. Этой удивительной свободой, дарованной нью-йоркскому архипелагу будущих островов комиссией 1811 года, архитекторы впервые воспользуются только в 1890 году при строительстве первого дома-квартала — предтечи всех манхэттенских «квартальных» небоскребов. Речь идет об арене «Мэдисон-сквер-гарден». Полая коробка, занимающая полностью ячейку грида, совмещала в себе ипподром с ареной на 8 000 зрителей, театр на 1 200 мест и концертный зал на 1 500. На крыше (где шестнадцать лет спустя будет застрелен архитектор этого городского чуда) — ресторан. Колхас заключает:

Теоретически теперь каждый квартал может стать оазисом неотразимой искусственности. Сама эта возможность предполагает отчуждение кварталов друг от друга: город перестает быть более или менее единой тканью, мозаикой из взаимодополняющих элементов — теперь каждый квартал совершенно сам по себе, *одинок*, словно остров⁴⁴.

Итак, первый взмах скальпеля приходится на границу кварталов.

Второй разрез проходит вертикально за фасадом здания, расщепляя интерьер и экстерьер, форму и содержание, внутреннее и внешнее.

В некогда популярном романе Роберта Пирсига «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» описан такой сюжет. Чтобы объяснить идею университета своим студентам, преподаватель прибегает к аналогии:

Она начинается со ссылки на статью в газете, где говорилось о здании деревенской церкви с неоновой рекламой пива, вися-

44. Там же. С. 103.

щей прямо над центральным входом. Здание продали и устроили в нем бар... В статье говорилось, что люди пожаловались церковным властям. Церковь была католической, и священник, которому поручили ответить на критику, говорил по этому поводу вообще весьма раздраженно. Для него этот случай открыл неопишемое невежество в том, чем в действительности является церковь. Они что, думают, что всю церковь составляют кирпичи, доски и стекло? Или форма крыши? <...> Само здание, о котором шла речь, не было святой землей. Над ним совершили ритуал лишения святости. С ней было покончено. Реклама пива висела над баром, а не над церковью, и те, кто не может отличить одно от другого, просто проявляют то, что характеризует их самих⁴⁵.

Намекая на невежество своей паствы, герой Пирсига в действительности лицемерил. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что форма крыши, окон, дверей и украшений — все то, что составляет экстерьер церкви, — мыслится прихожанами в соотношении с некоторым «внутренним содержанием» не в силу остаточного язычества и архетипической склонности к идолопоклонству. Он попытался сделать то, что до него уже успели сделать строители манхэттенских небоскребов: взмахом скальпеля расцепить внутреннее и внешнее. Это сечение Колхас называет лоботомией. Он поясняет:

Все здания на свете имеют интерьер и экстерьер. В западной архитектуре существует гуманистическая традиция установления морально-этической связи между внешним и внутренним: чтобы внешний вид здания непременно сообщал что-то важное о его начинке и чтобы начинка, в свою очередь, это сообщение подтверждала. «Честный» фасад прямо говорит, что за ним. Однако чисто математически при увеличении трехмерного объекта объем его внутреннего пространства увеличивается пропорционально кубу линейных размеров, тогда как площадь внешней поверхности — только пропорционально квадрату, то есть все меньшая площадь фасада представляет все больший объем интерьера. При достижении определенной критической массы сооружения связь между внешним и внутренним рвется⁴⁶.

45. Пирсиг Р. Дзен и искусство ухода за мотоциклом. СПб.: Симпозиум, 2003. С. 123.

46. Колхас Р. Указ. соч. С. 106.

Небоскреб, таким образом, обречен на лоботомию — архитектурный эквивалент «хирургического разрушения связи между лобными долями и остальным мозгом». Образованные лоботомией пространства Колхас проницательно называет субтопиями. Фасад здания теперь принадлежит улице, его содержимое образует автономный мир, ничем не выдающий своего существования вовне. Экстерьер небоскреба — торжество формализма, интерьер — победа чистого функционализма. (Впрочем, с последним колхасовским тезисом могли бы поспорить компетентные теоретики архитектуры.)

Третий разрез скальпеля «расслаивает» здание на этажи. В одном из номеров журнала *Life* за 1909 год художник-карикатурист изобразил

...легкую стальную конструкцию, поддерживающую 84 горизонтальные платформы, по размеру и форме в точности совпадающие с участком земли, на котором она построена⁴⁷.

Эта конструкция, которую Колхас называет «Теоремой 1909», стала своего рода манифестом будущего небоскреба — «утопического устройства по производству неограниченного количества новых территорий на одном участке метрополиса»⁴⁸.

Что именно роднит эту журнальную шутку с идеологией манхэттенского небоскребостроения? Автономизация уровней:

Каждый уровень изображается как абсолютно автономная, независимая территория вокруг некоего загородного дома со службами, конюшней, коттеджем для прислуги и т. д., *будто остальных уровней не существует вовсе*. Подчеркнутое разнообразие форм, садов, беседок и т. д. создает на каждом этаже свой особый стиль жизни (и, соответственно, возможность особой идеологии), и все это поддерживается *абсолютно нейтральной несущей конструкцией*⁴⁹.

Нейтральность несущей конструкции — залог вертикального соположения «идеологий» и, что важнее, гарантия их взаимного нейтралитета. Основной вектор описанной Колхасом «Теоремы 1909» — взаимное «обезразличивание» элементов. Это всегда дву-

47. Там же. С. 86.

48. Там же. С. 87.

49. Там же. С. 86. Курсив мой. — В. В.

направленное «обезразличивание»: идет ли речь о кварталах города или об этажах здания, элементы приобретают автономию а) друг от друга, б) от целого (которое в силу этого перестает быть целым). Колхас продолжает:

Между этажами не должно быть никаких протечек символизма. На самом деле такая шизоидная аранжировка разных тем по этажам подразумевает особую архитектурную стратегию в решении интерьера небоскреба... Тут требуется систематический, хорошо спланированный разрыв всех связей между уровнями — вертикальная схизма. Отрицая какую-либо связь этажей, вертикальная схизма позволяет произвольно распределять их внутри одного здания⁵⁰.

Итак, третий взмах манхэттенского скальпеля разрезает этажи, «расцепляет» уровни, лишает здание единства и целостности, уподобляя его слоеному торту. С той только разницей, что слои в торте не могут располагаться друг на друге в произвольном порядке.

Ошибка Колхаса и лифт Отиса

Решетка, лоботомия и схизма — три кита манхэттенского урбанистического проекта. Но как именно мы должны мыслить их соотношение? Что именно их связывает? Являются ли они тремя проявлениями одного процесса? Или, если сформулировать этот тезис более осторожно, имеют ли они общие основания? И где тогда следует искать эти основания? В самой эволюции архитектурного мышления? В экономических процессах (которые Колхас сознательно выносит за скобки)? Где тот скальпель, который делает возможным три роковых разреза, окончательно освобождающих кварталы от города, экстерьер от интерьера, этажи от здания?

Другой вопрос: насколько «симметричны» отношения между решеткой, схизмой и лоботомией? Имеем ли мы дело с равносильным треугольником или одна из вершин занимает привилегированное положение (а значит, гипотетически, две другие могут быть производными или зависимыми от нее)?

Колхас не отвечает ни на один из этих вопросов.

50. Там же. С. 113–114.

Схизму и решетку связывает общая логика сепарации: элементы (этажи/кварталы) освобождаются от власти целого (здания/города) и от влияния друг друга. Тогда как логика лоботомии — логика расщепления формы и содержания, а не целого и его элементов.

Схизму и лоботомии объединяет масштаб: это взаимосвязанные процессы соответственно горизонтального и вертикального сечения здания. Решетка — феномен принципиально иного, городского масштаба.

Отношения между решеткой и лоботомией проследить куда сложнее. Их не связывают ни масштаб, ни логика сечения. При этом само понятие лоботомии может быть расширено до границ больших городских единиц: мы знаем университетские городки, построенные как заводские промзоны (таковы некоторые английские краснокирпичные университеты), и жилые кварталы, построенные как казармы или тюремные блоки (достаточно вспомнить рабочие окраины советских городов). Но все же это не лоботомия в чисто колхасовском понимании термина — трудно представить себе лоботомию в масштабе города. Расщепление интерьера и экстерьера может пониматься как разрыв формы и содержания лишь метафорически. Удержимся здесь от классического хода в духе Георга Зиммеля, видевшего в отделении формы от содержания трагическую сущность современности (три классические «пустые формы» по Зиммелю: интеллект, деньги и проституция; своего рода «пустой формой» оказывается и небоскреб).

Сам Колхас, не отвечая прямо на вопрос об особом положении одной из вершин треугольника и ее определяющем значении для двух других, тем не менее дает читателю подсказку. Лоботомия — результат «выдавливания вверх» участка городской территории (объем здания увеличивается непропорционально сильнее площади его фасада). Схизма — следствие автономизации квартала. А значит, именно решетка — гениальная концептуальная догадка комиссии 1811 года — является условием возможности двух других сечений. Без решетки не было бы ни схизмы, ни лоботомии.

Но так ли это? Отталкиваясь от предпринятого выше анализа феномена *disentanglement*, мы можем выдвинуть встречную гипотезу: в каждом из трех случаев «манхэттенских сечений» мы имеем дело с технологиями расщепления, но только в одном — с расщеплением в прямом (латуровском) смысле слова.

Колхас движется дедуктивно: от решетки к схизме, от города к зданию, от Манхэттена к его небоскреbam. Это одновременно историческое и логическое движение. Исторически эмансипация кварталов провозглашается почти на сто лет раньше (в 1811 году), чем появляется прообраз схизмы — «Теорема 1909». Логически же схизма оказывается чем-то вроде метонимии городской решетки, становится интраполяцией логики размежевания кварталов на размежевание этажей.

Но для нас именно схизма — расщепление уровней здания и автономизация этажей — оказывается основанием всех последующих манхэттенских разрезов.

Предыстория, опущенная Колхасом, такова. В 1852 году инженер-изобретатель Элиша Грейвс Отис перебрался в Нью-Йорк, где занялся преобразованием старой и заброшенной лесопилки в фабрику по производству кроватей. На счету Отиса к этому моменту уже было несколько изобретений разной степени полезности и востребованности: от усовершенствованных хлебных печей до железнодорожных тормозов, которые должны были автоматически срабатывать в случае аварии. На нью-йоркской лесопилке ему потребовалось поднять обломки старого оборудования на верхние этажи здания. Никогда прежде не проектировавший лифтов, Отис быстро сконструировал подъемную платформу. Однако, опасаясь обрыва тросов, он снабдил ее железнодорожными тормозами собственного изобретения. Классический пример «транспонирования технологии»: придуманные Отисом для экстренной остановки железнодорожного состава колодочные тормоза (*block brakes*) оказались весьма полезны для страхования самодельного лифта от падения. Отис назвал свое изобретение «уловителями».

Конечно, лифты использовали задолго до изобретения «уловителей». В XVII веке лифтом уже был оборудован Виндзорский замок, в 1795 году Иван Кулибин предложил свою собственную версию этого устройства для Зимнего дворца. Но именно изобретение Отиса позволило сделать подъем на лифте безопасным, а значит, массовым.

Колхас отдает должное отисовскому гению:

Среди экспонатов [выставки в Хрустальном дворце в 1857 году. — В. В.] есть одно изобретение, радикальнее всех других изменившее лицо Манхэттена (и чуть в меньшей степени мира в целом), — лифт. Представление лифта подается публике как

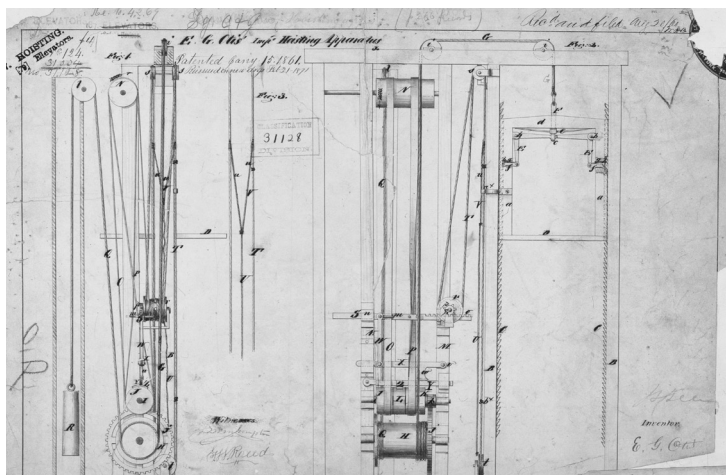

Рис. 2. Колодочный тормоз лифта Элишы Отиса, чертеж к патенту [источник: Department of the Interior. Patent Office (1849–1925)]

театрализованное зрелище. Изобретатель Элиша Отис залезает на платформу, которая движется вверх, — кажется, что это и есть основная часть демонстрации. Однако, когда платформа достигает высшей точки подъема, ассистент подает Отису кинжал на бархатной подушке [на самом деле — топор; резать лифтовый трос кинжалом крайне непрактично. — В. В.]. Изобретатель берет кинжал, явно собираясь наброситься на самый главный элемент собственного изобретения — трос, поднимающий платформу вверх и теперь удерживающий ее от падения. Он действительно перерезает трос; раздается резкий хлопок. Ни с изобретателем, ни с платформой ничего не происходит. Невидимые предохранительные защелки — суть отисовского инженерного решения — не позволяют платформе грохнуться оземь. Так Отис делает открытие в области городской театральности: антикульминация как финал, отсутствие события как триумф. Лифт, да и вообще всякое техническое изобретение, несет в себе двойной образ: в его успехе всегда таится угроза поломки... Тема, предложенная Отисом, станет лейтмотивом грядущей истории острова: Манхэттен — это скопление множества возможных, но так и не случившихся катастроф⁵¹.

51. Там же. С. 24.

Что сразу бросается в глаза — удивительная невнимательность Колхаса к мелким техническим деталям. Театральность подачи отисовского изобретения как будто затмевает собой его техническую максиму: уравнивание в правах верхних и нижних этажей. Если «в эпоху лестниц все этажи выше третьего считались непригодными для коммерческих нужд, а выше пятого — непригодными для жилья»⁵², то «благодаря изобретению лифта [еще одна неточность, все же лифт был изобретен до Отиса. — В. В.] на Манхэттене начинают множиться этажи»⁵³.

Колхас сам подчеркивает — и делает это неоднократно, — что схизма, как окончательное и радикальное «расцепление» этажей, обязана своим появлением изобретению лифта. Следовательно, решетка — вовсе не ключевое условие ее возможности. Таким образом, основания этого феномена следует искать не в сфере чистого урбанистического воображения, а в области конкретной технологической практики.

Конститутивные и перформативные модальности вещей

Функция технологий «расцепления» в чем-то аналогична функции противопожарных разрывов — прерывание цепочки коммуникаций. Она удивительным образом напоминает то, что Колхас писал о функциях манхэттенской решетки — удержание урбанистического *ego* в границах отдельного квартала, — но мы не будем развивать эту аналогию. Напомним, именно в «расцеплении» и фреймировании, по убеждению Латура, состоит главное предназначение техники:

Обезьяны почти никогда не используют объекты в своих взаимодействиях. Для людей почти невозможно найти взаимодействие, которое не требовало бы обращения к технике. (Я использую это слово здесь для того, чтобы указать на *modus operandi*, где «артефакт» или «объект» означают результат действия.) Взаимодействия распространяются среди обезьян, охватывая постепенно всю стаю. Человеческое взаимодействие чаще всего локализуется, заключается во фрейм, сдерживается⁵⁴.

52. Там же. С. 85.

53. Там же. С. 86.

54. Латур Б. Об интеробъективности. С. 191.

Изобретение Элиши Отиса не устранило дистанцию между этажами, как мы привыкли думать. Оно позволило сделать их автономными друг от друга, провело между ними границу, замкнуло их на самих себя. Лестница — инструмент связи, лифт — технология расщепления. Проявлениями этого расщепления стали в равной степени небоскребы Реймонда Худа и описанные Колхасом феномены схизмы/лоботомии. Про лифт нельзя сказать с уверенностью, является ли он «больше» архитектурным или технологическим объектом. Современная архитектура вообще крайне нетолерантна к самому этому различию.

Конечно, высказанная выше гипотеза требует детальной проверки и отдельного исследования. Пока будет достаточно маркировать описанные Колхасом феномены как феномены технологического расщепления. Это позволит нам вернуться к сюжету, лишь слегка затронутому в первой части текста.

Говоря о решетке, Колхас упоминает «различные режимы», на которые разбивается городское пространство. Далее становится понятно, что схизма и решетка суть две формы размежевания и автономизации «режимов». Яркий пример — созданный Худом проект самой высокой в мире церкви, в здании которой должны были уживаться многоярусная парковка, ресторан, концертный зал и, собственно, ритуальные помещения. Так о каких режимах идет речь? Латур отвечает — о фреймированных взаимодействиях, понимая под «фреймированностью» прежде всего их отгороженность друг от друга. Но простой отгороженности (на которую влияют, например, толщина стен и качество звукоизоляции) недостаточно. В пределе отгороженность должна стать расщеплением — автономизацией и взаимным «обезразличиванием» соположенных в пространстве порядков взаимодействия.

Вернемся теперь к задаче «пересборки повседневности». Все пять выделенных нами функциональных модусов вещей служат установлению и воспроизводству конкретных порядков интеракции. Материальные объекты конституируют, упорядочивают и поддерживают социальное взаимодействие. Но они же обладают способностью к его трансформации. Поддержание и трансформация порядка интеракции — два функциональных комплекса вещей, инкорпорированных в социальное взаимодействие.

Различие между этими функциональными комплексами в чем-то сходно с различием, проведенным в теории речевых актов между перформативами и констативами. Конститутивные

объекты удерживают порядок взаимодействия в его границах, стабилизируют отношения с другими порядками и связывают интеракции между собой. Перформативные объекты выступают «нарушителями порядка», а точнее, источником его преобразований. Классический пример — наше взаимодействие с игрушками. Игрушки не только конституируют порядок игры — они меняются ролями с людьми. Они не столько поддерживают, сколько размыывают границы порядка взаимодействия, делая пределы и правила игры предметом самой игры. Они меняют сценарий интеракции по ходу самой интеракции, разделяя с людьми свойство агентности. Они импровизируют и заставляют импровизировать других акторов. Взаимодействие с игрушками — действие с открытым финалом. Однако игрушки (и перформативные объекты в целом) — предмет особого исследования⁵⁵.

Пока же зафиксируем одно важное обстоятельство. Как и отдельные функциональные модусы, выделенные нами в начале статьи, два функциональных комплекса вещей-во-взаимодействии — конституитивность и перформативность — не находятся в отношениях однозначного соответствия с самими объектами. А потому некоторые объекты чаще других используются в качестве конституитивных (например, архитектура и техника) или перформативных (например, игрушки и арт-объекты), но эти их особенности не вписаны непосредственно в сами вещи. Отношение между вещами и свойствами перформативности/конституитивности — контингентное отношение.

Эпистемическая эмансипация материальности

Небольшое разыскание, предпринятое нами в этой статье, — попытка обозначить ту повестку дня, с которой придется иметь дело социологии повседневных взаимодействий после вторжения на ее территорию социологии вещей. Мы по традиции относим это вторжение на счет «поворота к материальному» в социальной теории. Теперь необходимо сделать шаг в сторону и оценить данное начинание не с позиции социологии повседневности, а в перспективе самого «поворота к материальному».

Собственно, метафора поворота предполагает радикальную смену аксиоматики. Нечто привычное, очевидное и само собой

55. Мы попытались подступить к этой теме в: *Вахштайн В. С.* К микро-социологии игрушек: сценарий, афроданс, транспозиция // *Логос*. 2013. № 2 (92). С. 3–37.

разумеющееся начинает казаться архаичным предрассудком, пережитком прошлого. И напротив, «совершенная дичь» и «постмодернизм» (слова-синонимы в языке многих отечественных ученых) приобретают статус аксиом. Если это требование не выполняется, то мы имеем дело не с поворотом, а всего лишь со сменой доминирующей риторики. Под такую квалификацию попадает примерно половина статей и диссертаций, во введении к которым декларируется лояльность повороту к материальному. В другом месте я называл этот тип работ «поворотом-к-материальному-о» (ПкМ-о)⁵⁶. В нем громогласные заявления о «новой роли вещей» сочетаются с беспомощными, но привычными нарративами в духе «социальное конструирование X в практиках Y». Вынесем ПкМ-о за скобки дальнейшего анализа.

«Поворот к материальному-1» (ПкМ-1) — куда более интригующее теоретическое предприятие. По факту оно представляет собой форму *эпистемической эмансипации*. Чтобы прояснить этот тезис, обратимся к модели, предложенной Полом Вайсом⁵⁷.

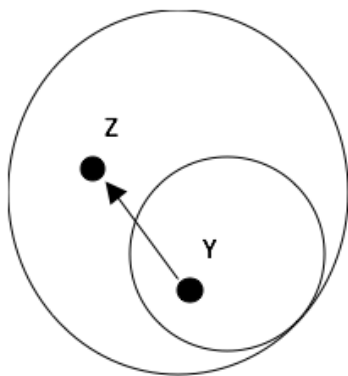
В структуре большинства научных дисциплин (естественных, социальных и гуманитарных) можно выделить твердое аксиоматическое ядро — множество реалий, существование которых полагается несомненным. Для психолога это «психические процессы», для социолога — «социальные отношения», для биолога — «эволюция», для экономиста — «рациональность» и т.д. Аксиомы редко становятся предметом обсуждения. Споры ведутся по поводу элементов другого множества — предметного поля. К примеру, в XIX веке географы объясняли феномен самоубийства типом расселения людей на земной поверхности, биологи — врожденной предрасположенностью, психологи — психическими склонностями индивидов, социологи — степенью солидарности в разных сообществах. Объяснение — это установление связи между элементом предметного поля и элементом «ядра». Чем прочнее связь, тем сильнее объяснение⁵⁸. Сильное объяснение стремится к идеалу эксклюзивности: оно должно исключать все другие возможные объяснения. Эмиль Дюркгейм, к примеру, показал,

56. Эту тему мы попытались раскрыть в дискуссии «Незамеченные революции», организованной журналом «Антропологический форум» (см.: *Вахштайн В. С.* Три «поворота к материальному» // *Антропологический форум*. 2015. № 24. С. 22–37). Многое из написанного далее было впервые озвучено именно в том обсуждении.

57. *Weiss P.* Op. cit.

58. *Латур Б.* Политика объяснения: альтернатива // *Социология власти*. 2012. № 8. С. 113–143.

что самоубийство куда лучше объясняется социальными фактами, чем географическими, психологическими или «космическими»⁵⁹, поэтому самоубийство стало мыслиться как социальный факт и было приписано к предметному полю нашей науки. То, как именно связываются элементы предметного поля с элементами аксиоматического ядра, собственно, и называется объяснительной моделью. Это центральный элемент когнитивного стиля любой дисциплины. Вайс предложил модель соотношения двух множеств, где Z — предметное поле, а Y — множество «первичных реальностей» аксиоматического ядра:

Джекоб Нидлмен интерпретирует модель Вайса:

Каждая система [объяснения] имеет свой собственный предустановленный критерий, посредством которого что-либо признается как реально существующее, как нечто, заключенное в системе, или то, относительно чего все остальное существующее... может быть «объяснено»⁶⁰.

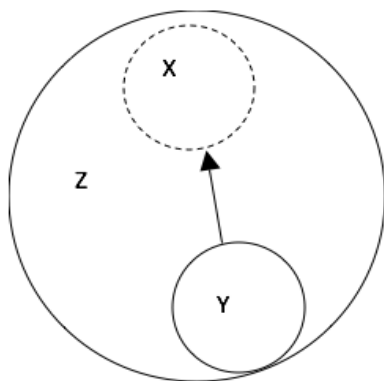
Скажем, для этнометодолога это социальные практики. Они реальны, социальны и наделены причиняющей силой. Для Дюркгейма это социальные факты. Они реальны, социальны и наделены причиняющей силой. Для социолога-марксиста это классовый конфликт. И так далее. В малом круге Y также содержатся *правила трансформации*, перевода феноменов, номинированных в качестве требующих объяснения, на язык конечного словаря данной исследовательской программы. Именно поэтому всякое объясне-

59. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994.

60. Нидлмен Я. Систематическое объяснение и наука психоанализа // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.: Рефл-Бук, 1999.

ние есть редукция — приведение множества феноменов Z большого круга к множеству объясняющих переменных Y малого круга⁶¹.

Эпистемическая эмансипация — явление редкое и загадочное. Начинается она с того, что некоторое множество элементов X предметного поля Z обособляется в самостоятельную область и заявляют о своей «необъяснимости» традиционными способами — разрывается устойчивая связь с аксиоматикой.

На следующем этапе эти сепаратистские элементы включаются уже в множество первичных реальностей Y и сами становятся частью дисциплинарного ядра. Таково, в частности, отношение между «структурой» и «культурой» в социологической теории. Исторически социология стремится объяснить феномены культуры (коллективные представления, мифы, верования, идеологии и мировоззрения) морфологией сообществ (стратификацией, солидарностью, системами родства, разделением труда, формами эксплуатации и т. п.). Однако благодаря работам позднего Дюркгейма и (в большей степени) «сильной программе» культурсоциологии⁶² мы сегодня знаем, что культура не объясняется социальной морфологией — напротив, коллективная память, к примеру, обладает своей собственной «твердостью» и каузальной силой. Список социологических «первичных реальностей» пополнился еще несколькими составляющими. Аналогичным образом повседневный мир традиционно объяснялся набором социологических «первичных реальностей»: пространство улицы скрывало поли-

61. Латур Б. Политика объяснения: альтернатива.

62. Александер Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии / Пер. с англ. С. Джакуповой // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 11–30.

тическую волю правящего класса, рутинные практики — интересы игроков, взаимодействия лицом-к-лицу — морфологию сообществ. Благодаря работам феноменологов мы научились видеть повседневный мир как реальность *sui generis*, несводимую к иным социальным сущностям и не объясняемую ими⁶³. Благодаря теоретикам практик мы поняли, что повседневные рутины можно использовать в качестве объяснения процессов «конструирования» чего угодно⁶⁴. Сегодня сфера повседневности, эмансипировавшаяся от множества *Z* и перешедшая в множество *Y*, используется как плацдарм для вторжения в смежные дисциплины: выборы — это не политический факт народного волеизъявления, а фреймированное взаимодействие людей лицом-к-лицу на избирательных участках; так же и городское пространство уже не имеет ничего общего с географическим пространством — это просто реификация, слепок повседневных рутинных практик.

«Поворот к материальному-1» начинается как эмансипация объектов материального мира, высвобождение их из-под давления традиционных первичных реальностей социологической аксиоматики. Неслучайно в основе ПкМ-1 лежат работы антропологов⁶⁵, исторически менее расположенных к сильным социологическим объяснениям. ПкМ-1 — это социология вещей *sui generis*. Вещи должны получить свободу от социального, они больше не являются пассивным экраном, на который проецируются социальные смыслы, не служат подручными инструментами социальных фактов, не выступают видимым, но молчаливым свидетельством незримого социального порядка. Они должны анализироваться как условия возможности этого порядка, но сначала — получить свободу от всеобъясняющих элементов множества *Y* (и особенно — от «социальных практик»).

Речь уже не идет о простой реконцептуализации вещей (с чего начинается эпистемическая эмансипация материальности) — нам придется отказаться от множества привычных интуиций, мета-

63. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.

64. The Practice Turn in Contemporary Theory / T. Schatzki et al. (eds). N.Y.: Routledge, 2001.

65. См.: Thompson M. Rubbish Theory: The Creation and Destruction of Value. Oxford: Oxford University Press, 1979; Douglas M., Isherwood B. The World of Goods. L.: Routledge, 1996; Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей; Appadurai A. Introduction: Commodity and the Politics of Value // The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective / A. Appadurai (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 3–63.

фор и понятий. Например, от дурной привычки использовать «повседневные практики» в качестве универсального дескриптора и общего знаменателя изучаемого нами мира. Больше нет практик и их объектов — есть объекты и их практики.

Что это значит, в частности, для социологии повседневности? Теперь сам концепт повседневности должен быть пересмотрен. Повседневность повседневна именно потому, что конституирована не одними людьми. Мы должны научиться видеть материальные объекты как конституенты социального порядка. Описать действия вещей, выделить функциональные модусы, в которых вещи «собирают» повседневную социальность, создать новый язык мышления о взаимодействиях — язык не символического, а объект-центричного интеракционизма⁶⁶. ПкМ-1 — самый продуктивный из вызовов, брошенных социологии повседневности за последние сорок лет. Чтобы спасти идею повседневности после «Поворота к материальному-1», нам придется ее «пересобрать» (чем мы и занимались в первой части этой статьи).

ПкМ-2 vs ПкМ-1

Ссылки на работы Брюно Латура, Мишеля Каллона и Джона Ло стали обязательными ритуальными элементами практически для всех авторов ПкМ-1. Латуровская риторика, несомненно, одна из самых сильных в этом движении. Только Латур может быть до абсурда последователен на пути эмансипации материальности — вплоть до призыва дать объектам право голоса и требования созвать «парламент вещей». В результате складывается ложное впечатление, что именно создателям акторно-сетевой теории мы обязаны победным шествием ПкМ-1. Однако латуровская ставка куда выше эпистемической эмансипации материальности. Он (равно как и его коллеги) вовсе не стремится к обособлению одного частного региона X в предметном поле Z с последующим перемещением освобожденных феноменов в зону региональной онтологии Y . Ровным счетом наоборот! Латур пытается устранить саму границу между этими множествами, разобрать на части объяснительную машинерию социологии, навязать ей принципиально иной способ мышления о мире — способ, в котором по-друго-

66. О родстве символического интеракционизма и акторно-сетевой теории см.: Кузнецов А. Г. Символический интеракционизм и акторно-сетевая теория: точки пересечения, пути расхождения и зона обмена // Социология власти. 2014. № 1. С. 64–75.

му проведено различие между вещами и не-вещами. Сегодня Латур, как ни странно, главный противник ПкМ-1 и социологии вещей в нашем понимании. Наиболее радикальную, инспирированную Латуром версию поворота к материальному я далее буду называть «поворот к материальному-2».

Общим для двух версий ПкМ является декларируемое стремление стереть грань между субъектом и объектом, человеками и не-человеками (*non-humans*). Но что скрывается за понятием «не-человека»? Дверной доводчик?⁶⁷ Томограф?⁶⁸ Португальский галеон?⁶⁹ Морской гребешок?⁷⁰ Или идея технического прогресса? Дух инноваций? Имперская идентичность? Французское сельское хозяйство? ПкМ-1 с готовностью присваивает статус действующих субъектов вещам, но с настороженностью относится к нематериальным сущностям, тем более таким аморфным и трудноуловимым. Однако для авторов ПкМ-2 имперская идентичность может быть даже в большей степени действующим субъектом, чем все материальные объекты вместе взятые. Понятие *non-human* оказывается до крайности двусмысленным, когда вслед за уже отринутым делением на людей и не-людей мы по стопам Латура и Ло отказываемся от различия между вещами и нематериальными сущностями.

Какова архитектура этого отказа? В какой момент ПкМ-2 становится «поворотом от материального»? Попробуем рассмотреть данный сюжет на примере старой работы Джона Ло о социальной топологии португальских галеонов:

Корабль может быть представлен в виде сети — сети остовов, рангоутов, парусов, канатов, пушек, складов продовольствия, кают и самой команды. С другой стороны, при более обобщенном рассмотрении навигационная система (со всеми ее эфемеридами, астролябиями и квадрантами, таблицами расчетов, картами, штурманами и звездами) также может быть рассмотрена как сеть. Далее, при еще более отстраненном анализе, вся португальская имперская система в целом (с ее портами и пакгаузами, кораблями, военными диспозициями, рынками и купцами) может быть описана в тех же категориях⁷¹.

67. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери.

68. Мол А. Указ. соч.

69. Ло Дж. Объекты и пространства.

70. Каллон М. Указ. соч.

71. Ло Дж. Объекты и пространства. С. 224.

В данном описании все предметы исследования рассматриваются как «объекты» — корабль, навигационная система, португальская империя. Объектами их делают устойчивые связи и отношения друг с другом. Особый акцент на устойчивости:

Штурманы, противники-арабы, ветра и течения, команда, складские помещения, орудия: если эта сеть сохраняет устойчивость, корабль остается кораблем, он не тонет, не превращается в щепки, напорвшись на тропический риф, не оказывается захваченным пиратами и уведённым в Аравийское море. Он не пропадает, не теряется до тех пор, пока команда не сломлена болезнями или голодом. Корабль определяется своими отношениями с другими объектами, и акторно-сетевой анализ направлен на исследование стратегий, которые производят (и, в свою очередь, произведены) этой *объектностью*, синтаксисом или дискурсом, определяющими место корабля в сети отношений⁷².

Разрыв сети отношений кладет конец дискретной объектности.

Сеть отношений трактуется Ло как топологическая система, определенная «форма пространственности». Пространство (здесь Ло последовательный лейбницанец) — это порядок объектов, объекты — суть пересечения отношений. Изменение отношений приводит не только к изменениям самих объектов, но и к изменениям форм пространственности.

Как объект, корабль пространственно или топологически множественен: «Он занимает — а также преобразует — два типа пространства. Географическое и семиотическое (сетевое)». Он неизменен в каждой из форм пространства и сохраняется в обеих: физически — в географическом пространстве, функционально или синтаксически — в семиотическом (сетевом) пространстве. Двигается он только в географическом пространстве. Напротив, в пространстве сетей он неподвижен, никакого изменения отношений между компонентами не происходит. (А если происходит, значит, что-то не так, значит, это уже другой объект.) Именно неподвижность в сетевом пространстве делает возможным его перемещение в пространстве географическом, позволяя переплывать из Калькутты в Лиссабон с грузом специй. Перемещение из точки А в точку В некоторого объекта происходит благодаря устойчивости отношений между различными элементами сети, в которой этот объект находится. Если произойдет смеще-

72. Там же. С. 227.

ние в пространстве сетей (то есть если изменятся конституирующие объект отношения), корабль просто перестанет быть «кораблем X с грузом Y, следующим курсом Z», а станет чем-то иным: обломками корабля, «Летучим голландцем» или просто деревом для костра.

Здесь необходимо задать социальной топологии вопрос: всякий ли объект пространства сетей находится также и в евклидовом пространстве? Иными словами, говорим ли мы исключительно об объектах одной топологической природы?

Приведу пример из нашего недавнего исследования социальной топологии города⁷³. Кафе возле музея-заповедника «Коломенское» обладает устойчивым ядром отношений. Одни отношения описываются географически (кафе «близко» к парку и «недалеко» от метро), другие — связывают официантов, менеджеров, поваров и поставщиков продуктов (социологи предпочитают именовать такие отношения организационными). Каждая дисциплина — география, социология, экономика, юриспруденция и даже химия (когда дело доходит до размораживания и готовки) — посредством своего собственного теоретического словаря выделяет и описывает одно подмножество релевантных отношений, игнорируя остальные. «Социологическое» кафе будет довольно сильно отличаться от «географического». При этом заведение сохраняет свою идентичность до тех пор, пока необходимый минимум связей остается неизменным. Отказ подавать бизнес-ланчи или смена основного поставщика, скорее всего, не приведут к смещению кафе в пространстве сетей, а вот взрыв бомбы на террасе, видимо, станет негеоморфным преобразованием.

А как быть с курением? Табачный дым — весьма аморфный, но все же материальный объект. Его отсутствие или наличие — Ло сказал бы «включение» (*enrollment*) или «введение в действие» (*enactment*)⁷⁴ — может стать значимым для конститутивного ядра данного конкретного заведения. Кафе, в которых на террасах все еще можно курить после недавнего запрета на курение в общественных местах, существенно изменили свою целевую группу, ценовую политику и даже архитектурный облик — пришлось устранить все внешние стены террасы, чтобы она формально

73. Вахштайн В. С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.

74. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука.

стала частью улицы. Как выяснилось, «курящее» и «некурящее» кафе — это два топологически разных объекта.

Пойдем дальше. Как быть с музыкой? Если завтра в кафе у Коломенского вместо сборника *Romantic Collection* начнет играть сборник песен Михаила Круга? Кафе с «Владимирским центральном» и без — это одно и то же кафе? И если нет, должны ли мы заключить, что песни Круга — материальные объекты, локализованные в евклидовом пространстве?

Пуристская версия социальной топологии (в духе ПкМ-1 и «чистой» социологии вещей), вероятно, запретит нам апеллировать к нематериальным сущностям как топологическим объектам. Все, что не находится в евклидовом пространстве, не существует и в пространстве сетей. Однако это идет вразрез со всей логикой акторно-сетевой теории, частью которой является социальная топология. «Сетевая формула» города состоит из элементов топологически разной природы. Некоторые из них нематериальны (то есть обладают пропиской в пространстве сетей, не будучи «гражданами» физического пространства). Знаки, образы, метафоры, нарративы — суть объекты сетевого пространства («узлы сети») так же, как галеон, кафе или «Коломенское».

Латур, Ло и Каллон устранили различие между «человеками» и «нечеловеками», показав, что морские гребешки, микробы, дверной доводчик и втулочный насос разделяют с людьми свойство агентности, то есть способность быть актантами, действующими лицами, конституентами социального мира. Этот обманный маневр (фокусировка на агентности вещей) скрыл под видом «поворота к материальному» куда более фундаментальный теоретический сдвиг: рядоположение материальных и нематериальных актантов, потому что «нечеловеки» — это не только морские гребешки и втулочные насосы, это также и «имперская идентичность», добавляющаяся к технологиям португальской колониальной экспансии, и математические уравнения, действующие на рынке наряду с товарами и торговцами. Различие между людьми и материальными объектами с точки зрения социологической доксы устранить куда легче, чем различие между материальными и нематериальными актантами. Однако формула Блэка — Шоулза — Мертона в исследовании Дональда Маккензи является действующим актантом, который приобретает все большую агентность на рынке опционов, пока не приводит его к обвалу⁷⁵.

75. MacKenzie D. *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*. Cambridge, MA: MIT Press, 2006.

ПкМ-2 — это в полном смысле слова «онтологический поворот». Материальность (освобождение которой заявлено как главная задача авторами ПкМ-1) для последовательных латурианцев — всего лишь разменная монета. Они жертвуют ей, как пешкой, уже в дебюте⁷⁶.

Как следует из нашего краткого сопоставления, названия «поворот» в полной мере заслуживает только ПкМ-2. Лишь в работах сторонников «онтологического поворота» заявлена претензия на смену дисциплинарной аксиоматики — не просто перенос границы между двумя множествами элементов (предметного поля и онтологического ядра), но отказ от проведения этой границы как таковой. И тем не менее, если бы не успех авторов ПкМ-1 с их утопическими манифестами и неослабевающим вниманием к материальным объектам, вряд ли бы в этот самый момент такое количество авторов по всему миру вчитывались бы в тексты Латура. Латур как актант обязан силе своего конститутивного действия тому самому проекту (ПкМ-1), который хотел бы оставить в прошлом⁷⁷, чтобы дать место новой социологической онтологии, где уже не будет ни «материального», ни «нематериального», а только «действующее» или «недействующее» (ПкМ-2). Выбор прост: или эмансипация материальности ценой некоторой модификации социологического языка (ПкМ-1), или радикальный отказ от самого этого языка в пользу новой онтологии, уравнивающей в правах людей, вещи и идеи (ПкМ-2). Огрубляя: или «поворот», «или к материальному».

Но мы вовсе не обязаны следовать так далеко за Латуром и Ло. Можно остановиться на первом шаге и обратиться к ресурсам акторно-сетевой теории для исследований в русле ПкМ-1 — отве-

76. Здесь кажется любопытным сопоставление двух «поворотов к материальному» в исследованиях архитектуры. Пока антропологи заняты пересмотром своих представлений о жилище в духе ПкМ-1 (*Buchli V. Anthropology of Architecture. L.: Berg Publishers, 2013*), представители Манчестерской школы социологии архитектуры пытаются быть последовательными латурианцами (см.: *Guy S., Coutard O. STS and the City. Politics and Practices of Hope // Science, Technology and Human Values. 2007. Vol. 32. № 6. P. 713–734; Yaneva A. Scaling Up and Down: Extraction Trials in Architectural Design // Social Studies of Science. 2005. Vol. 35. № 6. P. 867–894*).

77. См. сборник работ отцов-основателей акторно-сетевой теории, который должен был стать эпитафией на ее могиле, а стал новым ее манифестом: *Actor Network Theory and After / J. Law, J. Hassard (eds). Oxford: Blackwell Publishers / The Sociological Review Monographs, 1999*.

тить, наконец, на вопрос о сцепках и расцеплениях, о движении от комплексного к сложному, о ролевых диспозициях и функциональных модальностях действующих вещей, об интеробъективности действия и материальности фрейма.

Благо тексты создателей теории это позволяют.

Библиография

- Actor Network Theory and After / J. Law, J. Hassard (eds). Oxford: Blackwell Publishers / The Sociological Review Monographs, 1999.
- Appadurai A. Introduction: Commodity and the Politics of Value // The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective / A. Appadurai (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 3–63.
- Buchli V. Anthropology of Architecture. L.: Berg Publishers, 2013.
- Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation; Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay // Power, Action and Belief / J. Law (ed.). L.: Routledge, 1986. P. 196–223.
- Collins R. Interaction Ritual Chains. N.Y.: Rowman & Littlefield, 2006.
- Douglas M., Isherwood B. The World of Goods. L.: Routledge, 1996.
- Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. L.: Allen & Unwin, 1971.
- Goffman E. Where the Action Is // Idem. Interaction Ritual. Garden City: Anchor Books, 1979.
- Guy S., Coutard O. STS and the City. Politics and Practices of Hope // Science, Technology and Human Values. 2007. Vol. 32. № 6. P. 713–734.
- Luhmann N. Communication and Social Order. Risk: A Sociological Theory. B.: de Gruyter, 1993.
- MacKenzie D. An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets. Cambridge, MA: MIT Press, 2006.
- Powers M. Confessions of a Drone Warrior // GQ. 22.10.2013. URL: <http://gq.com/story/drone-uav-pilot-assassination?currentPage=1>.
- Rheinberger H.-J. Toward a History of Epistemic Things. Stanford: Stanford University Press, 1997.
- The Practice Turn in Contemporary Theory / T. Schatzki, K. Knorr-Cetina, E. von Savigny (eds). N.Y.: Routledge, 2001.
- Thompson M. Rubbish Theory: The Creation and Destruction of Value. Oxford: Oxford University Press, 1979.
- Weiss P. Modes of Being. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1958.
- Yaneva A. Scaling Up and Down: Extraction Trials in Architectural Design // Social Studies of Science. 2005. Vol. 35. № 6. P. 867–894.
- Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 11–30.
- Бейтсон Г. Теория игры и фантазии // Он же. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии. М.: Смысл, 2000.
- Вахштайн В. С. «Практика» vs «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 65–95.
- Вахштайн В. С. К микросоциологии игрушек: сценарий, аффорданс, транспозиция // Логос. 2013. № 2 (92). С. 3–37.

- Вахштайн В. С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.
- Вахштайн В. С. Теория фреймов и социология повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета, 2011.
- Вахштайн В. С. Три «поворота к материальному» // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 22–37.
- Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004.
- Гофман И. Лекция // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 4–26.
- Гофман И. Порядок взаимодействия // Социология власти. 2014. № 1. С. 163–199.
- Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
- Зиммель Г. Мост и дверь // Социология власти. 2013. № 3. С. 145–150.
- Кловайт Н. Конститутивные эффекты технологических фреймов в повседневном взаимодействии // Социология власти. 2015. № 1. С. 166–180.
- Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 307–341.
- Колхас Р. Нью-Йорк вне себя. М.: Strelka Press, 2013.
- Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 134–168.
- Корбут А. М. Гоббсова проблема и ее решение: нормативный порядок и ситуативное действие // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 9–24.
- Кузнецов А. Г. Символический интеракционизм и акторно-сетевая теория: точки пересечения, пути расхождения и зона обмена // Социология власти. 2014. № 1. С. 64–75.
- Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 199–222.
- Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 169–198.
- Латур Б. Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета, 2015.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Латур Б. Политика объяснения: альтернатива // Социология власти. 2012. № 8. С. 113–143.
- Латур Б., Энньон А. Как ошибки во множестве категорий приводят к известности // Гефтер. 29.11.2013. URL: <http://gefter.ru/archive/10660>.
- Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.
- Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Луман Н. Общество общества. М.: Логос, 2010.
- Мол А. Множественное тело // Социология власти. 2015. № 1. С. 232–247.

- Нидлмен Я. Систематическое объяснение и наука психоанализа // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.: Рефл-Бук, 1999. С. 224–246.
- Пирсиг Р. Дзен и искусство ухода за мотоциклом. СПб.: Симпозиум, 2003.
- Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // Логос. 2004. № 5 (44). С. 3–28.
- Хайдеггер М. Вещь // Он же. Время и бытие. М.: Гнозис, 1993. С. 316–326.
- Харре Р. Материальные объекты в социальных мирах // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 118–133.
- Хемингуэй Э. Острова в океане. М.: АСТ, 2010.
- Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.

REASSEMBLING THE EVERYDAY: DRONES, ELEVATORS, AND THE MT-1 PROJECT

VICTOR VAKHSHTAYN. Dean, Faculty of Sociology, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES); Dean, Faculty of Philosophy and Sociology; Editor-in-Chief, "Sociology of Power" Journal, avigdor2@yahoo.com.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82 Vernadskogo ave., Bldg 2, 119571 Moscow, Russia.

Keywords: drones; skyscrapers; block brakes; elevator; face-to-face interactions.

This paper is an exercise in object-oriented microsociology. Investigations of face-to-face interaction fell victim to the "material turn" before all else. The actor-network theory invasion forced many microsociologists to question a key axiomatic assumption of the investigation of everyday life: in social interactions, material objects may only serve as either props or as part of the stage. However, we are now forced to rethink the Everyday (i.e., the original subject of microsociology) as an ontological sphere, the very existence of which is owed to a multitude of invisible actions of material non-human agents. The following paper aims to address three tasks. Firstly, we aim to reveal the line that separates the "material" from the "ontological" turn (MT-1 and MT-2). Our second task is to perform a theoretical revision of the forms of thinking and imagining that was proposed by MT-1 to researchers of the everyday (the codification of the functional modes of "objects-in-interaction," the distinction of constitutive and performative constellations of roles, etc.). Thirdly, to evaluate the ways in which these theoretical assets may be employed in both the sociology of architecture and the sociology of technology.

Why is PTSD more prevalent among military drone-operators than among pilots who participate in on-site battles? How did the invention of the railway block brakes change the architectural face of Manhattan? What is the relation between the constitutive and performative modalities of "acting things?" How does the idea of "technological disentanglement" help solve the issue of relating Rem Koolhaas' concepts of "grid," "schism," and "lobotomy?" And, come to think of it, what does Bruno Latour have to with all of this? These questions, along with a few others, will be discussed in the following paper.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-2-1-44

References

- Actor Network Theory and After* (eds J. Law, J. Hassard), Oxford, Blackwell Publishers / The Sociological Review Monographs, 1999.
- Alexander J., Smith P. Sil'naia programma v kul'tursotsiologii [Strong Program in Cultural Sociology]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2010. T. 9. № 2. C. 11–30.
- Appadurai A. Introduction: Commodity and the Politics of Value. *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective* (ed. A. Appadurai), Cambridge, Cambridge University Press, 1986. P. 3–63.
- Bateson G. Teoriia igry i fantazii [A Theory of Play and Fantasy]. *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psikhologii, epistemologii* [Ecology of Mind. Selected Papers on Anthropology, Psychiatry, Epistemology], Moscow, Smysl', 2000.

- Binswanger L. Sistematicheskoe ob"iasnenie i nauka psikhoanaliza [Systematic Explanation and the Science of Psychoanalysis]. *Bytie-v-mire* [Being-in-the-World], Moscow, Refl-Buk, 1999, pp. 224–246.
- Buchli V. *Anthropology of Architecture*, London, Berg Publishers, 2013.
- Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation; Domestication of the Scallop and the Fishermen of St. Brieuc Bay. *Power, Action and Belief* (ed. J. Law), London, Routledge, 1986. P. 196–223.
- Collins R. *Interaction Ritual Chains*, New York, Rowman & Littlefield, 2006.
- DeLanda M. *Voina v epokhu razumnykh mashin* [War in the Age of Intelligent Machines], Yekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi, 2015.
- Douglas M., Isherwood B. *The World of Goods*, London, Routledge, 1996.
- Durkheim E. *Samoubiistvo: sotsiologicheskii etiud* [Le Suicide: Étude de sociologie], Moscow, Mysl', 1994.
- Durkheim E. *The Elementary Forms of Religious Life*, London, Allen & Unwin, 1971.
- Filippov A. F. K teorii sotsial'nykh sobytii [The theory of Social Events]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2004, no. 5 (44), pp. 3–28.
- Goffman E. *Analiz freimov: Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience], Moscow, Institut sotsiologii RAN, FOM, 2004.
- Goffman E. Lektsiia [Lecture]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2007, vol. 6, no. 2, pp. 4–26.
- Goffman E. Poriadok vzaimodeistviia [The Interaction Order]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2014, no. 1, pp. 163–199.
- Goffman E. Where the Action Is. *Interaction Ritual*, Garden City, Anchor Books, 1979.
- Guy S., Coutard O. STS and the City. Politics and Practices of Hope. *Science, Technology and Human Values*, 2007, vol. 32, no. 6, pp. 713–734.
- Harré R. Material'nye ob"ekty v sotsial'nykh mirakh [Material Objects in Social Worlds]. *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshayn), Moscow, Territoria budushchego, 2006, pp. 118–133.
- Heidegger M. Veshch' [Das Ding]. *Vremia i bytie* [Zeit und Sein], Moscow, Gnozis, 1993, pp. 316–326.
- Hemingway E. *Ostrova v okeane* [Islands in the Stream], Moscow, AST, 2010.
- Klowait N. Konstitutivnye efekty tekhnologicheskikh freimov v povsednevnom vzaimodeistvii [Constitutive Effects of Technological Frames in Everyday Interaction]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 1, pp. 166–180.
- Knorr-Cetina K., Bruegger U. Rynok kak ob"ekt priviazannosti: issledovanie postsotsial'nykh otnoshenii na finansovykh rynkakh [The Market as an Object of Attachment: Exploring Postsocial Relations in Financial Markets]. *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshayn), Moscow, Territoria budushchego, 2006, pp. 307–341.
- Koolhaas R. *N'iu-Iork vne sebia* [Delirious New York], Moscow, Strelka Press, 2013.
- Kopytoff I. Kul'turnaia biografiia veshchei: tovarizatsiia kak protsess [The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process]. *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshayn), Moscow, Territoria budushchego, 2006, pp. 134–168.
- Korbut A. M. Gobbsova problema i ee reshenie: normativnyi poriadok i situativnoe deistvie [The Hobbes' Problem and Its Two Solutions: Normative Order and

- Situated Action]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2013. № 1–2. C. 9–24.
- Kuznetsov A. G. Simvolicheskii interaksionizm i aktorno-setevaia teoriia: tochki peresecheniia, puti raskhozhdeniia i zona obmena [Symbolic Interactionism and Actor-Network Theory: Crossing Points, Divergences and Trading Zones]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2014, no. 1, pp. 64–75.
- Latour B. Gde nedostaiushchaia massa? Sotsiologiya odnoi dveri [Where are the Missing Masses? Sociology of a Door]. *Sotsiologiya veshchei* (ed. V. S. Vakhstayn), Moscow, Territoriya budushchego, 2006, pp. 199–222.
- Latour B. Ob interob'ektivnosti [On Interobjectivity]. *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhstayn), Moscow, Territoriya budushchego, 2006, pp. 169–198.
- Latour B. *Paster: voina i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo"* [Pasteur: Guerre et paix des microbes, suivi de "Irréductions"], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2015.
- Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014.
- Latour B. Politika ob'iasneniia: al'ternativa [The Politics of Explanation: an Alternative]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2012, no. 8, pp. 113–143.
- Latour B., Hennion A. Kak oshibki vo mnozhestve kategorii privodiat k izvestnosti [How to Make Mistakes on So Many Things at Once — and Become Famous for This]. *Gefter*, November 29, 2013. Available at: <http://gefter.ru/archive/10660>.
- Law J. Ob'ekty i prostranstva [Objects and Spaces]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2006, vol. 5, no. 1, pp. 30–42.
- Law J. *Posle metoda: besporiadok i sotsial'naya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2015.
- Luhmann N. *Communication and Social Order. Risk: A Sociological Theory*, Berlin, de Gruyter, 1993.
- Luhmann N. *Obshchestvo obshchestva* [Die Gesellschaft der Gesellschaft], Moscow, Logos, 2010.
- MacKenzie D. *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*, Cambridge, MA, MIT Press, 2006.
- Mol A. Mnozhestvennoe telo [The Body Multiple]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 1, pp. 232–247.
- Pirsig R. *Dzen i iskusstvo ukhoda za mototsiklom* [Zen and the Art of Motorcycle Maintenance: An Inquiry into Values], Saint Petersburg, Simpozium, 2003.
- Powers M. Confessions of a Drone Warrior. *GQ*, October 22, 2013. Available at: <http://gq.com/story/drone-uav-pilot-assassination?currentPage=1>.
- Rheinberger H.-J. *Toward a History of Epistemic Things*, Stanford, Stanford University Press, 1997.
- Schütz A. O mnozhestvennosti real'nostei [On Multiple Realities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2003, vol. 3, no. 2, pp. 3–34.
- Simmel G. Most i dver' [The Bridge and the Door]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2013, no. 3, pp. 145–150.
- The Practice Turn in Contemporary Theory* (eds T. Schatzki, K. Knorr-Cetina, E. von Savigny), New York, Routledge, 2001.
- Thompson M. *Rubbish Theory: The Creation and Destruction of Value*, Oxford, Oxford University Press, 1979.

- Vakhshtayn V. Peresborka goroda: mezhdu iazykom i prostranstvom [Reassembling the City: Between Language and Space]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2014, no. 2, pp. 9–38.
- Vakhshtayn V. S. “Praktika” vs “freim”: al'ternativnye proekty issledovaniia povsednevnoogo mira [“Practice” vs “Frame”: Alternative Projects of Everyday World Research]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2008, vol. 7, no. 1, pp. 65–95.
- Vakhshtayn V. S. K mikrosotsiologii igrushek: stsenarii, afordans, transpozitsiia [Towards a Microsociology of Toys: Inscription, Affordance, Transposition]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2013, no. 2 (92), pp. 3–37.
- Vakhshtayn V. S. *Teoriia freimov i sotsiologiya povsednevnosti* [Theory of Frames and Sociology of Everyday World], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2011.
- Vakhshtayn V. S. Tri “povorota k material'nomu” [Three “Material Turns”]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2015, no. 24, pp. 22–37.
- Weiss P. *Modes of Being*, Carbondale, Southern Illinois University Press, 1958.
- Yaneva A. Scaling Up and Down: Extraction Trials in Architectural Design. *Social Studies of Science*, 2005, vol. 35, no. 6, pp. 867–894.